

М. В. Шиловский

**Первая мировая война
1914–1918 годов
и Сибирь**

Михаил Шиловский

**Первая мировая война
1914–1918 годов и Сибирь**

«ПАРАЛЛЕЛЬ»

2016

УДК 94(47) 083
ББК 63. 3(2) 532

Шиловский М. В.

Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь /
М. В. Шиловский — «ПАРАЛЛЕЛЬ», 2016

ISBN 978-5-98901-180-3

В монографии предпринята попытка в постановочной форме рассмотреть следующие проблемы темы «Сибирь и Первая мировая война»: вклад сибиряков в военные действия; экономика; военная повседневность (раненые, инвалиды, семьи призванных, военнопленные, беженцы, организация помощи им); связь фронта и тыла; общественно-политическая и культурная жизнь региона. Исследование предназначено для специалистов-историков, студентов и преподавателей истории вузов и школ, всех интересующихся историей Сибири начала XX века.

УДК 94(47) 083
ББК 63. 3(2) 532

ISBN 978-5-98901-180-3

© Шиловский М. В., 2016
© ПАРАЛЛЕЛЬ, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1. Военный потенциал Сибири в Первой мировой войне	12
§ 1. Мобилизация	12
§ 2. Сибирские соединения на фронтах войны	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

М. В. Шиловский Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь

© Шиловский М. В., 2016

* * *

«Мировой пожар. Вторая Отечественная война» (плакат 1914 г.)

Введение

Изучение проблемы «Первая мировая война и Сибирь», в том числе в ее военной составляющей (мобилизация, участие сибирских соединений в боевых действиях, подготовка пополнения, социокультурный облик призванных и т. д.), а также с точки зрения военной повседневности сибирского тыла, имело специфику, прежде всего связанную с состоянием отечественной историографии этого глобального вооруженного конфликта. Поскольку война породила социальный катаклизм 1917–1920 гг., а отношение к ней пришедших к власти большевиков было изначально негативным (империалистическая и захватническая), ее история в межвоенный период (1920–1941 гг.) разрабатывалась фрагментарно. Не случайно в четвертом томе «Очерков исторической науки в СССР» (1966 г.) посвященный этому времени дореволюционный раздел завершается революцией 1905–1907 гг. и анализом внешней политики России второй половины XIX – начала XX в., а собственно война во всех ее проявлениях отсутствует.

Военные тогда изучали организацию вооруженных сил царской России и ход боевых действий с целью практического использования накопленного во второй половине 1914–1917 гг. опыта для использования в РККА, боевой подготовке военнослужащих, формирования мобилизационных ресурсов. Параллельно в эмиграции офицеры и генералы императорской армии создавали «свою» историю войны, в основном путем написания мемуаров. В контексте социальной истории Первую мировую войну начали изучать с целью выявления предпосылок для свержения самодержавия. Своеобразной «матрицей» для всех последующих сочинений вплоть до начала 1990-х гг. стала первая глава первого тома «Истории гражданской войны в СССР» (1935 г.), в которой эти предпосылки перечислялись: захватнический характер военного конфликта, неподготовленность армии и страны в целом, военные поражения, экономический кризис, резкое ухудшение положение основной части населения, активизация стачечной борьбы пролетариата, политический кризис и окончательное банкротство самодержавия.

Принципиально ситуация не изменилась в 1940–1980-е гг. Характеристика собственно «военной составляющей» войны получила окончательное воплощение в фундаментальном исследовании А. А. Строкова¹. В обобщенном виде она повторяется, наряду с анализом социально-экономического развития империи, а также описанием общеполитического кризиса, в отдельной главе 6-го тома «Истории СССР» (авторы: В. А. Емец, А. Л. Сидоров, С. В. Тютюкин)².

Характерно, что в упомянутых исследованиях имеются специальные разделы, посвященные состоянию вооруженных сил Российской империи накануне войны, но отсутствуют сведения о подготовке пополнения и состоянии дел в тыловых гарнизонах в ходе нее.

«В России, – заметил в 1999 г. американский исследователь Д. Орловски, – Великая война погружена в молчание, кроме описания военных операций и других трудов по военной, дипломатической истории и т. п., она в значительной степени осталась белым пятном, достоинством томов, пылящихся в библиотеках и архивах. На протяжении всего советского периода имело место подавление человеческой памяти, желание забыть не только Великую войну, но и павших в ней, и смерть как таковую»³. И это – несмотря на большое количество литературы,

---

¹ Строков А. А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914–1918 гг.). М., 1967.

² История СССР. Серия первая. М., 1968. Т. 6. С. 516–628.

³ Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума). СПб., 1999. С. 49.

нашедшей свое отображение в библиографических сборниках⁴. Соответственно, для большей части россиян война оставалась неизвестным сюжетом отечественной истории. В 1993 г. из 500 опрошенных читателей популярно-исторического журнала «Родина» лишь 6,6 % решились ответить, что Первая мировая для них является более или менее известной⁵.

Применительно к Сибири проблематика войны 1914–1918 гг. стала изучаться со второй половины 1950-х гг. в плане выявления предпосылок социального катаклизма 1917 г. Промежуточные итоги этого процесса подводятся в отдельной главе третьего тома «Истории Сибири» (1968 г.), состоявшей из двух разделов: «Влияние войны на экономику Сибири» (В. Г. Тюкавкин) и «Революционное движение в Сибири во время войны» (А. А. Мухин, В. П. Сафронов, А. А. Храмов), а также в соответствующих главах очерков истории рабочего класса и крестьянства региона дореволюционного периода (Д. М. Зольников и А. Я. Воронина)⁶. Они заложили основу для анализа экономических и социальных процессах в избранных хронологических рамках. Эти сюжеты получили дальнейшее развитие в работах Л. М. Горюшкина, В. П. Зиновьева, И. И. Кротта, Г. А. Ноздрина, В. А. Скубневского и др. Вместе с тем, военная проблематика свелась только к перечислению количества воинских призывов и указанию общего числа мобилизованных в армию (до 1 млн чел.).

Параллельно начинается исследование мобилизации, призывов в армию во время войны, расквартирования ополченческих формирований и запасных батальонов (полков)⁷. Основное внимание обращалось на негативные явления тыловой армейской повседневности – плохие жилищно-бытовые условия содержания призванных, отвратительное питание, издевательства офицеров и унтер-офицеров, порождающие массовое дезертирство, масштабные выступления мобилизованных в июле 1914 г., тяжелые и массовые заболевания, негативное отношение к войне и самодержавию. Отмеченная тенденция начинает преодолеваться. С начала 1990-х гг. появляются работы, более объективно и полно освещающие отдельные сюжеты истории региона в рассматриваемый период⁸. Увидели свет публикации, затрагивающие ратный подвиг сибиряков и сибирских формирований на фронте⁹. Разделы, посвященные войне 1914–

⁴ Хмелевский Г. Мировая империалистическая война 1914–1918 гг.: систематический указатель книжной и статейной литературы за 1914–1935 гг. М., 1936; Рутман Р. Е. Россия в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 – февраль 1917 г.). Л., 1975.

⁵ Родина. 1993. № 8–9. С. 6.

⁶ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 363–408; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 248–277.

⁷ Храмов А. А. Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук. Томск, 1958. С. 56–73; Ким В. В. Солдатские массы Енисейской губернии накануне и в Февральской буржуазно-демократической революции (1916 – март 1917 года) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1963. Вып. 1; Чижов И. Г. Омский гарнизон в период мирного развития революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. 5. С. 126–128; Казанцев М. И. Кузнецк дореволюционный // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 48–50; Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук. 1979. № 11. Вып. 3. С. 97; Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири 1916 – февраль 1918. Новосибирск, 1978.

⁸ Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения: 1914 г. (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 53–61; Фабрика Ю. А. Сибирский щит (Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001; Он же. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 41–46; Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика, деятельность. Иркутск, 2003; Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003; Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой Мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005; Еремин И. А., Кижяева Т. А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул, 2005. С. 225–237; Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013; Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013.

⁹ Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994; Новиков П. А. Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне. 2-й, 3-й, 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008; Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Первая мировая война // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 597–601; Гаврин Д. А. 2-

1918 гг., стали обязательными для очерков истории и энциклопедических изданий отдельных городов и территорий региона. По проблематике Первой мировой войны защищены докторские диссертации Ю. П. Гореловым, И. А. Ереминым, П. А. Новиковым, кандидатские – С. Ю. Шишкиной, А. В. Полуаршиновым, О. В. Чудаковым, Т. А. Кижаяевой.

Несмотря на серьезные подвижки, в историографии проблемы имеются существенные лакуны, дискуссионные вопросы, недостаточно изученные сюжеты. Что касается сибирских фронтовых объединений (дивизий и корпусов), в самом общем виде П. А. Новиковым описан боевой путь 2-го, 3-го и 7-го сибирских армейских корпусов, но ждет своих исследователей история 1-го, 4-го, 5-го и 6-го сибирских армейских корпусов, воевавших в составе всех фронтов, за исключением Кавказского. Дискуссионным остается вопрос о масштабах и характере выступлений мобилизованных сибиряков в июле 1914 г. Пожалуй, менее всего изучена система подготовки призванных в армию в запасных формированиях Омского и Иркутского военных округов. Известно лишь об их дислокации и о численности гарнизонов сибирских городов, об агитационно-пропагандистской деятельности радикалов среди военнослужащих; есть разрозненная информация о фактах дезертирства, неподчинения командирам, самовольных отлучках и т. д. Как и насколько эффективно осуществлялась подготовка новобранцев и ратников ополчения, мы не знаем, поскольку данный вопрос практически не изучался.

Применительно к гражданской сфере не установлены параметры вовлечения экономики Азиатской России в военное производство, влияние войны на потребительский рынок, воздействие «сухого закона» на ситуацию с потреблением спиртных напитков. Требуется серьезного изучения влияние анализируемого явления на повседневную жизнь аборигенов, пришлых этносов, диаспор, конфессиональную ситуацию; практически не изучен вопрос о реквизиции «иногородцев» на тыловые работы. Необходимо обстоятельно проанализировать пропагандистское обеспечение военных действий, эволюцию настроений различных социальных групп местного населения (горожане, крестьяне, рабочие, интеллигенция, молодежь), политических и неполитических объединений. Практически не затронутым оказался сюжет о состоянии органов местного государственного и общественного (городского и сельского) управления.

Решение перечисленных проблем потребует усилий не одного поколения историков, издания большого количества монографий. Естественно, их нельзя исчерпывающим образом решить в предлагаемом исследовании. Учитывая научную значимость и состояние разработки темы «Сибирь и Первая мировая война», автор попытался в плане постановки в очерковой форме рассмотреть ее компоненты: вклад сибиряков в военные действия; экономика; военная повседневность (раненые, инвалиды, семьи призванных, военнопленные, беженцы, организация социальной помощи им), связь фронта и тыла; общественно-политическая и культурная жизнь.

Хронологические рамки включают период от начала мобилизации во второй половине июля 1914 г. до Февральской революции 1917 г., в необходимых случаях затрагивая и первую половину этого года. Объектом настоящего исследования является Азиатская Россия, ее сельское и городское население. Предметом – события Первой мировой войны в регионе. Цель предпринятого анализа – реконструировать событийную сторону изучаемого военного конфликта на уровне крупного региона как тылового района, участие в нем различных социальных и этнических групп местного населения, властных структур, политических и общественных формирований. Территориальные рамки включают, кроме собственно сибирских территориально-административных образований (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Забайкальская и Якутская области), Акмолинскую и Семипалатинскую области Степного генерал-губернаторства (Степного края), поскольку его столицей являлся г. Омск и они входили в Омский военный округ, и на этой территории находились отделы Сибирского казачьего

войска. Кроме того, Степной край после сооружения Транссибирской и Алтайской железных дорог, развития судоходства по Иртышу был интегрирован в социально-экономическое пространство сибирского региона¹⁰.

Корпус источников по проблеме участия Азиатской России в Первой мировой войне 1914–1918 гг., как опубликованных, так и архивных, можно разделить на две группы – исходящие от органов государственного, том числе военного, управления разных уровней, и образовавшиеся в процессе деятельности субъектов повседневной милитаризированной жизни региона в избранных хронологических рамках (органы общественного самоуправления, кооперативные организации, политические и неполитические – прежде всего экономические, благотворительные и т. д. – объединения, а также отдельные лица).

К первой группе относятся законы и нормативные акты верховной власти (указы, манифесты, высочайшие повеления), приказы, распоряжения, инструкции, предписания, объявления министерств и ведомств, а также местных органов государственного управления (генерал-губернаторов, губернаторов, командующих войсками военных округов, прокуратуры, судебных инстанций, жандармских и охранных управлений и подведомственных им структур), делопроизводственные и отчетные материалы (рапорты, отчеты, докладные записки, обзоры, следственные материалы, телеграммы и т. д.), в том числе отражающие процесс подготовки маршевого пополнения для действующей армии в запасных частях гарнизонов Омского и Иркутского военных округов. Регулярное оперативно-агентурное наблюдение правоохранительных органов за партийными структурами, политическими ссыльными, неформальными объединениями, отдельными лицами давало определенный «улов», отложившийся в виде агентурных донесений, перлюстрированных писем, изъятых при обысках и ликвидации прокламаций, отчетов, протоколов собраний, конференций и т. д.

Делопроизводственные документы властных структур страдают субъективизмом и отличаются стремлением составителей снять с себя ответственность за происходящее.

Значительная, подчас уникальная, информация о разных сторонах изучаемого явления содержится в источниках личного происхождения (письмах, дневниках, воспоминаниях) очевидцев и современников, как участников боевых действий, так и проживавших в Сибири во второй половине 1914–1917 гг. Среди них «бесценным и уникальным свидетельством драматических событий Первой мировой войны»¹¹ являются дневники иркутского ученого и общественного деятеля И. И. Серебренникова (1882–1953), хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области и изданные в 2008 г. Они написаны человеком, обладавшим большим информационным ресурсом, поскольку Иван Иннокентьевич не только наблюдал, но непосредственно участвовал в повседневной жизни Иркутска рассматриваемого времени, активно вращался в управленческих структурах, был знаком со многими чиновниками, общественными деятелями, руководителями муниципальных структур.

Среди источников богатством фактического материала выделяется периодическая печать, которая не только аккумулировала информацию о событиях военного времени в рамках определенной территории, но и отражала настроения населения, различные проявления его социального поведения. Среди местных повременных изданий активно использовался информационный ресурс самой массовой в Сибири томской газеты «Сибирская жизнь», в меньшей степени – газет, издававшихся в других городах региона (Омск, Барнаул, Новоиколаевск, Красноярск, Иркутск). Отчасти данный недостаток компенсируется активным привлечением различного рода хроник, одним из основных источников для составления которых

---

¹⁰ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009. С. 368–373.

¹¹ Андреев Г., Конкин П., Новиков П. Неутомимый труженик Сибирской общественности // Серебренников И. И. Препев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 5.

и послужили местные периодические издания. Так, фундаментальная летопись Н. С. Романова¹², содержащая ценные сведения прежде всего о культурно-благотворительной и повседневной жизни города, помимо собственных наблюдений составителя имела источником местную газету «Сибирь» за 1914–1917 гг. Существенным подспорьем служат созданные в 1980–1990-е гг. хроники рабочего, крестьянского и общественного движения¹³, а также их современная версия по Томской губернии¹⁴. Их дополняют хроники по отдельным городам и территориям региона¹⁵.

Таким образом, мы имеем довольно значительный корпус источников, очень разнохарактерных по содержанию, разнотипных по форме, к тому же дисперсно рассеянных в громадной совокупности материалов. Они оставляют солидную источниковую базу, позволяющую анализировать ситуацию в различных сферах повседневной жизни Азиатской России во время Первой мировой войны.

---

¹² Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 193–272.

¹³ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987; Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Июнь 1907 – февраль 1917 г. Томск, 1991. Т. 3; Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994; Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2.

¹⁴ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / Сост. В. П. Зиновьев, О. А. Харусь. Томск, 2013. Т. 1.

¹⁵ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993; Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Якутск, 2000; Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ: Слѣдуя историческимъ своимъ заветамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не забывала на всякъ судбу безучастно. Съ великимъ единодушіемъ и особой силой пробуждался братскій чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австрія-Венгрія предъявила Сербіи за вѣдомое не-пріемлемыя для державнаго государства требованія.

Принимая, уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отступку въ добродетельное посредничество Россіи, Австрія послѣднее посланіе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденная, въ силу созданныхъ условій принять необоимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное поль-зеніе, но, дорожа кровью и достоинствомъ НАШИХЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австрія Германия, вопреки НАШИМЪ намереніямъ на вѣчное доброе сосѣдство и не имѣла на-вѣрнѣю НАШЕМУ, что принятая домогаться немедленной ихъ отмены, и встрѣтить отказъ

въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну. Намъ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМЪ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и поддержать ее среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные НАШИ подданные.

Въ грозный часъ неспитанія да будутъ забыты внут-ренній распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе ЦАРЯ съ ЕГО на-родомъ и да отразитъ Россія, под-нявшись, какъ одинъ человекъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокимъ вѣромъ въ правоту НАШЕГО дѣла и смиреннѣмъ упо-ваеміемъ Мы молитвенно призы-ваемъ Божіе Судило. Русь и доблест-словеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двенадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девять-сотъ четырнадцатое, Царствованія же НАШЕГО двадцатое.

На подлинномъ Собственноручно ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢЛИЧЕСТВА рукою подписанно:

„НИКОЛАЙ“.

Слова Государя народнымъ представителямъ.

Въ 11 часъ съ минутой въ залѣ просѣдывалъ Государь Императоръ. Государь обратился къ представителямъ, гадать со са-душными высоконравственными словами:

Привѣтствую васъ въ эти дѣлины знаменательныя и тревожныя дни перемѣны волею Россіей. Германия, а также и Австрія объявила войну Россіи. Тотъ тревожный полонъ патристическихъ чувствъ любви къ Роднѣй и преданности престолу, который какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ вашей, служилъ въ момахъ гвалта, и думамъ,—въ величкія, ругательствомъ въ томъ, что наша великая матушка Россія доведетъ испосланію ей Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца.

И въ этомъ же единодушномъ поривѣ любви и готовности на всякія жертвы, вплоть до жизни своей, и черной возможности под-держивать свои силы, и способно и бодро вырванъ на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боролась единоронныхъ и единобронныхъ братьевъ славянъ.

И въ эти минуты и съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ такъ же крѣпко и неразрывно со всей Россіей.

Увѣренъ, что вы все, каждый на своемъ мѣстѣ поможетъ Мнѣ перенести испосланіе неспитаніе и что все, начиная съ Мена, исполнитъ свой долгъ до конца.

Великъ Богъ земля русская!

Царское Слово Русскому Народу и Воинству.
ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

Съ самоотверженіемъ и достоинствомъ встрѣтила Наша великая матушка-Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ самоотверженія Мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.

И здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній неприятельскій воинъ не увидетъ съ земли Нашей. И къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ мнѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, къ вамъ, лицамъ, обращаюсь. И къ всей однородной, единодушнѣй, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи моей и благословляю ее на трудъ ратный.

Слѣдуя изданія: 1) Москва, Трубиня ул. д. Лебова, № 11. Книгоиздательство Книжная Вирка. 2) С.-Петербургъ, Суворовскій, 2. Редакція „Живое Слово.“

Телерафия С. А. Александрова, Уланскій пер. д. 18.

ГИМ

«Высочайший манифест» с объявлением о войне

Глава 1. Военный потенциал Сибири в Первой мировой войне

§ 1. Мобилизация

С 14 июля 1914 г. в Омском и Иркутском военных округах вводится в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». Административным и правоохранительным органам предписывалось «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок». 18 июля в Российской империи началась массовая мобилизация запасных, с 22 июля призывная кампания распространилась на ратников государственного ополчения. В войну вступили по закону от 24 июня 1914 г. при следующих основах воинской повинности: призывной возраст 20 лет (на 1 января года призыва); общий срок службы в пехоте и артиллерии 18 лет (3 года и 3 месяца действительная срочная служба, 14 лет и 9 месяцев в запасе), в остальных родах войск (кавалерия, саперы) 17 лет (4 года срочной службы, 12 лет и 9 месяцев в запасе). Запас традиционно подразделялся на разряды: первый для пополнения полевых войск (до 30-ти летнего возраста), второй – резервных и тыловых формирований (до 39-ти лет). Ополчение делилось на два разряда, созывалось только в случае войны. Оно предназначалось для пополнения действующей армии, формирования отдельных команд и ополченческих частей¹⁶. Предполагалось, что кадровой армии (1423 тыс. чел.) и запаса (3115 тыс.) будет достаточно для достижения победы.

Мобилизационные ресурсы Омского военного округа на 1 января 1914 г. составляли 166 207 рядовых и унтер-офицеров 1-го и 2-го разрядов, 29 285 ратников ополчения, проходивших действительную срочную службу, и 56 639 ратников, не служивших в армии¹⁷. В Иркутском военном округе таковых всего насчитывалось 39,5 тыс. чел.¹⁸ Организацией призыва занимались губернские и областные по воинской повинности присутствия, опиравшиеся в своей деятельности на аналогичные образования на уровне уездов. В Томске присутствие возглавлял губернатор В. Н. Дудинский, а членами были: вице-губернатор А. Г. Загряжский, управляющий казенной палатой И. Б. Маршанг, прокурор окружного суда С. Г. Дубяго, непременный член по крестьянским делам А. А. Барок, советник В. Э. Мейер и Томский уездный воинский начальник полковник И. М. Соколовский. В губернии начали работу 53 призывных участка (Барнаульский уезд – 21, Каинский – 8, Томский и Бийский – по 7, Мариинский и Змеиногорский – по 6, Кузнецкий – 5). Масштаб работы был огромен. Только в Барнаул во время мобилизации из уезда прибыло более 50 тыс. запасных нижних чинов¹⁹.

В Томске призыв начался в субботу 19 июля в 6 часов утра. По разным причинам медосмотру подверглось примерно 70 % явившихся, из них годными к службе признали 75 %, остальные получили различные отсрочки. На фронт попал только каждый второй из намечен-

---

¹⁶ Смирнов А. В., Мазаник Т. А. Правовое регулирование подготовки мобилизационных людских ресурсов в дореволюционной России // История государства и права. 2013. № 4. С. 7.

¹⁷ Копылов В. А., Милохин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. С. 174.

¹⁸ Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. С. 122.

¹⁹ Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 99.

ных к призыву. У основной массы забракованных диагностировали болезни глаз, ушей, переломы, зобы и грыжи²⁰.

Начало войны сопровождалось в Сибири массовыми проявлениями общественной активности. Во всех городах региона отслужили литургии и молебны о даровании благословения божия и успеха русскому оружию. Прошли массовые патриотические манифестации с национальными флагами, портретами императора, исполнением национального гимна. В донесении акмолинского губернатора министру внутренних дел от 15 октября 1914 г. подчеркивалось: «Нет того уголка Великой России, где бы призыв Царя не вызвал чрезвычайного подъема патриотического чувства и горячего решения все отдать на защиту Русского Государства»²¹.

В августе жительница Томска Мария Леонтьевна Бочкарева (урожденная Фролкина) направила императору Николаю II телеграмму с просьбой разрешить поступление на военную службу. Получив его, она зачисляется рядовым в 25-й Томский запасной батальон. С конца 1914 г. она находилась на передовой, получила четыре ранения, была награждена четырьмя Георгиевскими солдатскими крестами всех степеней, двумя серебряными и одной золотой медалями, произведена в старшие унтер-офицеры. В 1917 г. выступила инициатором создания из женщин-добровольцев ударных батальонов. В отличие от своей предшественницы, дворянки Н. А. Дуровой (1783–1866), Бочкарева была крестьянкой, работала прислугой, на укладке асфальта, т. е. представляла тип эмансипированной женщины-простолюдинки. Она стала инициатором массового участия женщин в боевых действиях.

Имели место отдельные случаи добровольного вступления в армию, в том числе со стороны представителей аборигенных этносов региона. Так, среди 1 тыс. военнослужащих 4-х маршевых рот, отправленных из Томска в Псков 14 сентября 1915 г. находился один доброволец – Т. М. Зенков из Тарского уезда Тобольской губернии²². В октябре 1916 г. на основании Именного Высочайшего Указа императора Николая II призывается добровольно в армию и направляется в запасной полк татарин Катуков-Азанов Мухамет Емурлович, крестьянин села Епельдинского Ново-Ярковской волости Каинского уезда Томской губернии, магометанского вероисповедания, холостой, неграмотный, хлебопашец²³.

Массовая мобилизация, взрыв патриотических настроений породили, с одной стороны, добровольчество, а с другой – попытки уклонения от призыва. Первый тип поведения продемонстрировал известный иркутский адвокат Г. Б. Патушинский, прапорщик ополчения, добившийся «высочайшего» разрешения на перевод в отправляющуюся на фронт сибирский стрелковый полк, «чтобы вырвать свободу еврейскому народу». Он награждается многими орденами вплоть до Св. Владимира 4-й степени²⁴. Добровольцами ушли на фронт омские адвокаты, кадеты Д. С. Каргалов и В. О. Петропавловский²⁵. С другой стороны, иркутский казак, золотопромышленник И. И. Гаськов добился увольнения с военной службы, хотя Иркутский казачий дивизион на фронт не отправили²⁶.

²⁰ Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 146.

²¹ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 141. Ч. 1. Л. 1.

²² ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 251 об. – 252.

²³ Там же. Д. 39. Л. 1099–1100.

²⁴ Звягин С. П. Министр юстиции Г. Б. Патушинский. Красноярск, 2001. С. 13.

²⁵ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

²⁶ Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск, 2009. С. 261–262.

М. Л. Бочкарёва в 1918 г.

В то же время мобилизация запасных породила массовые выступления (бунты) с эпицентром в Томской губернии, где проживало более 40 % населения региона. В сельской местности они происходили с 19 июля до конца месяца. Так, 21 июля в волостном селе Шаховском Барнаульского уезда мобилизованные разгромили волостное правление, дома сельского старосты и волостного писаря, а в с. Павловском «тысячи запасных, следующих в Барнаул» подвергли погрому волостное правление и контору лесничего. В донесении тобольского губернатора А. А. Станкевича в МВД от 21 августа 1914 г. утверждалось, что «мобилизация протекала успешно, при соблюдении в общем полного порядка». Но, «к сожалению, в некоторых местах Тюкалинского уезда и, отчасти Ишимского, порядок этот был нарушен следовавшими

на сборные пункты запасными нижними чинами, допустившими насильственные действия по отношению к лицам сельской администрации и чиновникам, сопровождавшимся похищением вина»²⁷. Более откровенен томский губернатор В. Н. Дудинский, который в аналогичном донесении от 2 сентября, признавал: «Призыв запасных был затруднен отказами выступать и бесчинствами, производимыми ими на сборных пунктах и по пути следования (разбивали казенные винные лавки, грабили и поджигали дома и магазины и производили разные бесчинства). Беспорядки происходили почти повсеместно в Томской губернии... В Барнаульском уезде были произведены разгромы канцелярий лесничества Алтайского Округа и массовые порубки леса»²⁸.

Всего по данным хроники крестьянского движения в Сибири²⁹ я насчитал в четырех губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) 157 протестных акций мобилизованных, которые произошли в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего – в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных. В Иркутской губернии волнения имели место в 7 селах Нижнеудинского и Киренского уездов. В Енисейской губернии – в 11 селах Ачинского, Красноярского и Минусинского уездов. В Тобольской губернии – в 6 селах и 2 деревнях Ишимского и Тюкалинского уездов. Подавляющая их часть приходится на Томскую губернию. Здесь бунтовали в 101 селе и 11 деревнях 49 волостей Томского, Мариинского, Каинского, Барнаульского, Кузнецкого и Змеиногорского уездов. Внутри губернии лидировал Барнаульский уезд (20 волостей, 48 сел и 2 деревни).

По характеру можно выделить следующие типы акций: В 9 случаях имели место разгромы волостных правлений и избивание должностных лиц крестьянского самоуправления (волостных и сельских старост, писарей, десятских и сотских); в 12 случаях осуществлялись массовые порубки леса, разгромы и поджоги контор лесничеств и лесных кордонов, квартир лесных объездчиков. Но больше всего – 136 из 157 фактов (86,6 %) разгромов торговых и винных лавок. Так, в станице Зерендинской Кокчетавского уезда Акмолинской области возле винной лавки собралась толпа запасных, требовавшая отпуска водки «Капитан Сушков и есаул Маньков направились к толпе, пытались убедить и уговорить ее. Две партии запасных спокойно ушли. Прибыла, однако, новая партия, более значительная, из села Викторовки, среди которой уже много было пьяных. Пьяные настойчиво потребовали водки. Уговоры не действовали. Настроение поднималось. Кто-то крикнул: «Разбивай лавку». Человек 200 запасных и толпа казаков обступили лавку со всех сторон, разбили ее и начали вытаскивать через окна бутылки. Троекратный оклик капитана Сушкова отойти от лавки и предупреждение о стрельбе не привели ни к каким результатам. Это так подействовало на капитана Сушкова, что он, очевидно, под влиянием нервного аффекта, выстрелил себе в висок. Толпа остановилась и затем медленно стала расходиться. Рана оказалась неопасной и Сушкову своевременно была подана медицинская помощь. Вина похищено из лавки на сумму 518 рублей»³⁰.

Разгромы и грабежи винных лавок имели массовый характер. Так, в Омске «24 июля в 9 часов утра, несколько человек запасных нижних чинов вошли в ренсковой погреб Харлампия Дунья-Оглы по Думской улице на окраине города, оторвали решетку у полок, на которых находились различные вина, похитили вина на сумму до 75 руб. Те же лица забрались в ренсковой погреб Анны Дегтяревой на той же Думской улице, взяли разных вин и гастрономических товаров на сумму около 100 р. И скрылись. Около 11 часов того же 24 июля толпа опьяневших запасных нижних чинов вошла в винно-бакалейный магазин Попова на углу Думской и

---

²⁷ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 108. Ч. 76. Л. 7–7 об.

²⁸ Там же. Д. 108. Ч. 77. Л. 11.

²⁹ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 107–112.

³⁰ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв., 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 2–2 об.

Семинарской улиц и потребовала вина. После отказа, 15 человек запасных бросилась в соседнюю с лавкой комнату, где хранилось унесенное из магазина вино и захватили вин на 50 руб. Два нижних чина забрались в кассу и, взяв из нее около 40 рублей, вышли из магазина, сели на близь стоявшего извозчика и скрылись. Однако полиции удалось разыскать грабителей и задержать; при них оказалось 14 бутылок коньяка, 42 коробки папирос и 25 руб. денег мелким серебром. Задержанные оказались: первый – крестьянином Тобольской губ. Зиновием Искрой, а второй – крестьянином Томской губернии Семеном Манским»³¹.

Винная лавка в эпоху казённой монополии

Помимо сельской глубинки, волнения призванных произошли в Кузнецке, Новониколаевске, Барнауле, Ишиме, на железнодорожных станциях Убинская, Боготол, Зима, вообще по линии железной дороги. Так, 23 июля 1914 г. «запасные чины поездов №№ 40, 44, 46, 48, разгромив в селе Тайшет винную лавку, понапились. Придя на станцию, произвели буйство, ворвались в помещение охранной роты 19 Сибирского стрелкового полка, где похитили две винтовки и открыли беспорядочную стрельбу. По команде ротного командира стрелки дали залп и один из запасных тяжело ранен, остальные разбежались по вагонам»³². 24 июля в Ишиме «группа запасных, подстрекаемая двумя своими товарищами, учинила беспорядок с сопротивлением офицеру. Вызванная последним полурота стала заряжать ружья, при зарядке несколькими случайными выстрелами убит прохожий старик, ранен запасный. Порядок восстановлен, зачинщики арестованы, вызван военный следователь». Подводя итоги призыва и отправле-

³¹ Там же. Л. 7–7 об.

³² Там же. Д. 138. Ч. 20. Л. 2.

ния мобилизованных, иркутский губернатор телеграфировал в Департамент полиции 28 июля: «Проезжающие [по] линии железной дороги запасные... производили [на] некоторых станциях и прилегающих [к] станциям поселках Иркутской губернии беспорядки и бесчинства, расхищали закрытые винные лавки»³³.

Кроме того, в Ишиме в тот же день утром на сборном пункте при управлении уездного воинского начальника запасные общей численностью до 30 человек пытались силою войти в управление, «требуя кормовые деньги либо еще не полученные, либо не полагающиеся им по правилам; при этом двое главарей, из них один запасный, гвардеец-фейерверкер Ефим Усольцев и другой по приметам Алексей Каверзнев с другими неустановленными личностями схватили за руки помощника начальника сего управления штабс-капитана Клитина, не впуская их во двор. В виду этого по команде командира охранной роты капитана Пучковского был произведен один ружейный залп, коим убит крестьянин Больше-Сорокинской волости, ранен запасный Александр Мельников. После залпа совместными действиями чинов общей и жандармской полиции порядок был тотчас восстановлен»³⁴.

В Мариинск с 18 июля начали прибывать мобилизованные, некоторые из которых были пьяны, а примерно половина объявили себя больными. Для их обследования 21 июля начались заседания уездного воинского присутствия. Тогда же находившиеся в городе четвертый день призывники начали выражать недовольство проведением мобилизации в разгар полевых работ и требовать выплаты пособий семьям. Они жаловались на то, что третий день не получают горячей пищи. 23 июля патрулем на базаре был задержан и отправлен в полицейское управление мобилизованный с украденным им чайником. Немедленно собралась толпа в 3 тыс. человек, потребовавшая освободить арестованного. По приказанию уездного исправника Б. Х. Оржеховского полицейские и солдаты местной воинской команды начали стрелять в воздух, рассеяв собравшихся. Часть из них (около 50 чел.) ворвались в здание городского полицейского управления, избив находившихся там, разгромили помещение, разорвали и расшвыряли документы. Портрет Николая II был пробит, а Александра II облит чернилами. Нападавшие захватили 100 бутылок вина, находившиеся в здании в качестве вещественных доказательств. В тот же день толпа осадила винный магазин купца Чердынцева и он не стал испытывать судьбу, приказав выкатить на улицу 45-ведерную бочку с вином. После ее распития, толпа направилась к другим магазинам, но была рассеяна полицейскими и солдатами местной воинской команды. 24 июля положение стабилизировалось, а вскоре мобилизованных в эшелонах отправили на фронт³⁵.

Наиболее драматический характер приобрели события в Новониколаевске и Барнауле. В первом 21 июля четырехтысячная толпа мобилизованных двинулась от вокзала к воинскому присутствию. К ним присоединились рабочие. Был поднят красный флаг. В ответ на выстрелы полицейских, собравшиеся разграбили оружейный магазин и вступили в перестрелку с правоохранителями, в помощь которым прибыли солдаты местного гарнизона. В ходе столкновения двое призванных были убиты, еще двое ранены, ранения получили два десятка солдат и полицейских, офицер и пристав. 23 июля при отправке эшелона с мобилизованными произошло еще одно серьезное вооруженное столкновение, в ходе которого погибло 16 и ранено 25 чел. 24 июля на железнодорожной станции произошел еще один кровавый инцидент. Запасным из проходящего эшелона, во избежание столкновений, запретили выходить из вагонов. Последние отказались выполнять приказ, и в результате начавшейся перестрелки с вызванной воинской командой погибло 9 чел, 22 получили ранения (4 из них умерли)³⁶. Произошедшее позволило

---

³³ Там же. Д. 138. Ч. 23. Л. 1.

³⁴ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв., 1914. Д. 138. Ч. 76. Л. 2.

³⁵ Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 283–285.

³⁶ Там же. Д. 138. Ч. 76. Л. 6–6 об.

очевидцу этих событий большевику Г. Е. Дронину заявить в своих воспоминаниях: «Гражданская война, я бы сказал, началась в Новониколаевске чуть ли не с первых дней мобилизации в 1914 г.»³⁷.

В Барнауле к 22 июля собралось до 20 тыс. мобилизованных. Часть из них ночевала на улице, плохо было организовано питание. Их требования выдачи «кормовых» и пособий семьям, улучшения условий содержания, вежливого обращения игнорировались. Обозленные призывники избили стражей порядка, начали громить казенный винный склад, где вспыхнул пожар. Пожарникам не давали его тушить. Как пишет А. С. Муравлев: «В разгоряченной толпе слышались призывы к разгрому и грабежу. К месту пожаров, охвативших около девяти часов вечера уже целые кварталы, стекались все новые и новые толпы запасных и городских жителей. Разобрав оружие в разбитых ими же оружейных магазинах, они стали громить дома, лавки, склады»³⁸, здание местного отделения «Русского для внешней торговли банка». К вечеру 22 июля город находился в руках мобилизованных. Полицейские в форме боялись появляться на улицах. Чиновники разбежались из присутственных мест. Уездный воинский начальник скрылся.

Прибывшая на пароходе из Новониколаевска воинская командами выстрелами рассеяла грабителей, хотя стрельба продолжалась всю ночь. Утром 23 июля полиция подобрала на улицах города около 40 трупов, немало грабителей погибло в огне. Из числа запасных 112 чел. были убиты или сгорели, несколько сот получили ранения. Сгорело 45 больших зданий, в том числе 32 жилых дома. Пострадали несколько маслоэкспортных контор, складов, пакгаузов, магазинов. Материальный ущерб, по оценке властей, составил более 4,5 млн руб. За участие в грабежах и сопротивление правоохранителям арестовали 155 чел. Следствие по барнаульским беспорядкам продолжалось до середины 1915 г. Судебный процесс, по которому проходило 200 чел., начался 27 октября 1915 г. 15 чел. приговорили к тюремному заключению на срок от четырех до восьми лет; 82 привлеченных по этому делу получили сроки от одного месяца до четырех лет в арестантских ротах; 32 чел. – тюремной отсидки на срок от одного месяца до трех лет. Всего из 247 погибших участников солдатских бунтов в России на долю Томской губернии приходится 136–140 чел. Общее число привлеченных к суду за участие в них составило до 1400 чел.³⁹

В Кузнецке с численностью населения 3 тыс. чел. к 21 июля собралось более 6 тыс. запасных, которые стали требовать от воинского начальника пособия, но, получив отказ, начали избивать полицейских и чиновников. «Городовым и урядникам, – доносил местный исправник, – показываться в форме на улице стало невозможно, их тотчас же избивали...»⁴⁰. Переполнившие город мобилизованные и присоединившиеся к ним горожане и крестьяне окрестных сельских поселений разбили двери казенного винного склада. Началось массовое пьянство. Пришлось срочно направлять сюда роту солдат из Томска⁴¹. Определенную роль в пресечении беспорядков сыграл проживавший в Кузнецке отставной генерал-лейтенант, герой Русско-японской войны 1904–1905 гг. П. Н. Путилов, который «одел генеральскую форму, на брюках лампасы, и верхом на лошади ездил на площадь... усмирять»⁴².

---

³⁷ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 405. Л. 5.

³⁸ Муравлев А. С. Неизвестный Алтай. Далекое-близкое. Барнаул, 2011. С. 93.

³⁹ Там же. С. 97.

⁴⁰ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 212–213.

⁴¹ История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. I, II. С. 211.

⁴² Кауфман А. О. Генерал П. Н. Путилов и Кузнецк // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. Кемерово, 2004. Вып. 6. С. 74.

Что касается причин произошедшего, то непосредственно, «по горячим следам» акмолинский губернатор отнес к ним «разбросанность населенных пунктов по громадной территории, не обслуживаемых низшим полицейским персоналом – конной или пешей стражей, малочисленность крестьянских деятелей», опоздание с вывозом водки «из винных лавок, расположенных на больших грунтовых путях следования призываемых запасных и ополченцев». Наконец, частными причинами («Село Викторовка и станица Зерендинская – зажиточные, издавна славившиеся пьянством, старые поселения на бойкой дороге»)⁴³. Примерно такие же причины называет и тобольский губернатор в телеграмме от 26 июля 1914 г.⁴⁴

В советский период солдатские бунты квалифицировались «как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия, свидетельствующая о дальнейшем росте классового самосознания»⁴⁵. «В настоящее время подобная оценка выглядит явной натяжкой, – считают И. А. Еремин и Т. А. Кижаева. – В объяснении причин волнений мобилизованных в июле 1914 г. сегодня преобладают два подхода. Во-первых, эти волнения увязывают с вообще негативным отношением населения, и прежде всего во многом еще патриархального русского крестьянства, к воинской повинности. Во-вторых, волнения были спровоцированы началом антиалкогольной кампании, что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гуляба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей утраты свободы и возможности распоряжаться своей жизнью. Доказательством правоты этой точки зрения являются факты массовых погромов винных лавок, складов, грабежи магазинов»⁴⁶.

Первый по времени исследователь рассматриваемого явления А. А. Храмов, реагируя на попытку квалифицировать его как пьяный бунт, обращает внимание на массовый характер произошедшего не только в масштабах Томской губернии, но и всей страны; выступления имели место в традиционно наиболее беспокойных селах и волостях Барнаульского уезда и сводились не только к разгрому (разграблению) винных лавок, но и протесту против притеснений властей и «в определенной степени недовольство войной». «Были ли эти волнения пьяным бунтом? – вопрошает историк. – Конечно, да. Но, как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. За бунтом, разгромами, эксцессами и убийствами нельзя упустить социальное и политическое составляющее этого движения»⁴⁷.

В явном виде во всех известных фактах выступлений мобилизованных антиправительственная составляющая не просматривается. Но их массовость и радикализм порождали у определенной части социума надежды на приближающийся катаклизм. «Деревня заметно опустела: – вспоминал в июле 1914 г. пятнадцатилетний подросток из кулундинского села Сидорова Барнаульского уезда Ф. Д. Останин, – массы «запасных» отправлялись на подводах в Камень... Начались погромы в Барнауле: скопившиеся там мобилизованные крестьяне громили магазины, винополку, склады. Были слухи о беспорядках в Камне, Новониколаевске.

⁴³ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 1–1 об., 4.

⁴⁴ Там же. Д. 138. Ч. 76. Л. 3–4.

⁴⁵ Храмов А. А. Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук. Томск, 1958. С. 56–73. Им же написаны соответствующие разделы в третьем томе «Истории Сибири» (1968) и учебном пособии Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986. С. 207; Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 11. Вып. 3. С. 97.

⁴⁶ Цит. по: Казанцев М. И. Кузнецк дореволюционный // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Новокузнецк, 1971. С. 49.

⁴⁷ Храмов А. А. Так были ли волнения запасных в Томской губернии в июле 1914 г. пьяным бунтом // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2011. С. 163–165.

Даже в деревне чувствовалось какое-то напряжение. Снова зачастил к нам Ф. И. Кузьменко [мастер-маслодел. – М. Ш.]. О чем-то возбужденно говорил с отцом и радостно восклицал: «Ну, теперь царский трон полетит к чертям, какие-нибудь три-четыре месяца – готово! Слышал, говорят, в Барнауле...», – рассказывалось о том, как мобилизованные заняли тюрьму, освободили политических, и хотя это потом не подтвердилось, но слухи ходили упорные».

Анализируя поведение участников массовых беспорядков начального этапа войны, Д. Санборн отмечает: «Бунт представляет собой не единичное действие, а набор их. Когда баланс власти нарушается и силы традиционных органов управления ослабевают, открывается простор для всех видов деятельности, выходящих за рамки закона. Одни нападают на полицию, другие воруют хлеб, третьи напиваются, многие участвуют и в том, и в другом, и в третьем. Факторами, на фоне которых возникли беспорядки среди призывников 1914 г., были желание напиться, обеспечить себя и семьи продуктами и вещами, показать свое недовольство войной и сделать все возможное для того, чтобы затянуть или нарушить отправку на фронт. Военные власти предпочитали объяснять бунты только желанием бунтовщиков только напиться, но с течением войны это объяснение становилось все менее подходящим»⁴⁸. В рамках этой версии С Ю. Шишкина рассматривает выступления запасных «скорее формой стихийного, нежели организованного протеста, в основе которого лежали естественные человеческие чувства – верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких»⁴⁹.

На мой взгляд, волнения мобилизованных стали возможными, благодаря комплексу причин, и прежде всего – просчетам и непрофессионализму властных структур. Характерен в этом плане пример Бийска и Бийского уезда, где властям удалось справиться со стихией, поэтому, в отличие от других уездов Томской губернии, здесь не было массовых беспорядков. Не случайно местный уездный исправник Поляков был награжден томским губернатором денежной

⁴⁸ Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 209.

⁴⁹ Еремин И. А., Кижаяева Т. А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул, 2005. С. 231.

премией в размере 100 руб.⁵⁰ В Омске, согласно донесению акмолинского губернатора, «из казенных винных лавок ни одной бутылки не было продано, и никто из запасных не пытался туда проникнуть. В частных магазинах и ренсковых погребах спиртные напитки были опечатаны и сданы на хранение владельцам под их ответственность. Дни пребывания в Омске запасных, а их собралось вместе с ополченцами до 45 тысяч, протекали спокойно, при полном порядке. Горожане радовались, видя своих доблестных воинов и спешили оказать прибывшим и их семьям помощь, открывая чайные, столовые и проявляя таким образом должное внимание защитникам Родины»⁵¹. Не было волнений в городах Восточной Сибири. Применительно к Иркутску, И. И. Серебренников 2 августа 1914 г. записал в дневнике: «Мобилизация проходит спокойно, совершенно нет пьяных»⁵².

Призыв сопровождался повальным пьянством и вытекающих из этого разгромов винных лавок, магазинов, винных складов. Но данное явление связано вообще с негативным отношением населения к воинской повинности. «Слово «забрили» самое ненавистное слово, – вспоминает Г. М. Карнаухов. – Оно выражает горе и несчастье, как для самого призванного в солдаты, так для его семьи... Пьяная ватага с гармошками, пьяными песнями, беспричинными драками и руганью плелась по улице. «Забритых» призывников сопровождало почти все село – родные, знакомые, соседи и просто зеваки.

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья»⁵³.

Нельзя забывать о стремлении предприимчивых слоев населения заработать в ситуации запрета продажи спиртных напитков. «От времени до времени в Омске, – свидетельствует акмолинский губернатор, – на толкучке и в притонах появлялись продавцы водки, спирта, коньяка, добываемых за пределами области или оставшихся от запасов, сделанных до мобилизации. Некоторые с слабой волей запасные набрасывались на эти напитки, не брезгуя даже и политурой, платили большие деньги, пили и хмелели»⁵⁴.

Массовый же призыв сразу изменил повседневную жизнь десятков тысяч сельских обывателей и горожан, к тому же он происходил в самый разгар сенокосной страды. Г. М. Жихарева, оказавшаяся летом 1914 г. в изыскательской партии на Чуйском тракте, вспоминала: «Помню совершенно перевернутые деревни – иначе не могу назвать, – исступленные вопли и причитания баб, растерянные, часто пьяные, бессмысленные или злобные лица мужчин, дикое оранье песен, полное неведение о происходящем»⁵⁵.

Помимо психоментальных факторов сыграли роль детонатора явные просчеты и недостатки в организации мобилизации, о которых выше уже сообщали акмолинский и тобольский губернаторы. Мобилизованные сутками ждали на сборных пунктах отправки дальше или погрузки в эшелоны. При этом, как в случае с Барнаулом, не получая длительное время горячей пищи и пребывая на улице. Губернские власти, как правило, вину за произошедшее возлагали на нижестоящие административные структуры. Тот же акмолинский губернатор в донесении в МВД от 4 октября 1914 г. поставил в упрек кокчетавскому уездному начальнику, «а равно

---

⁵⁰ Муравлев А. С. Указ. соч. С. 97.

⁵¹ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 6 об.

⁵² Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 21.

⁵³ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 146. Л. 16.

⁵⁴ Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013. Приложение. С. 212.

⁵⁵ Воспоминания о В. Шишкове. М., 1979. С. 77–78.

находившимся в Кокчетаве крестьянским деятелям, что они не сумели собравшихся в городе запасных, среди которых были охмелевшие, успокоить твердым словом увещевания, а также не приняли меры к отобранию у них запасов водки»⁵⁶.

Более организовано мобилизация прошла в казачьих войсках Азиатской России. Командир 1-й отдельной Забайкальской казачьей бригады телеграмму о мобилизации получил в 4 часа 40 минут 18 июля 1914 г. В 6 часов утра в ее штабе началась мобилизационная работа. В 6 часов 30 минут командиры частей доложили о получении распоряжений о мобилизации. В 18.00 штаб бригады был укомплектован по штатам военного времени и к 21.00 был готов к отправке на театр военных действий. В полках бригады синхронно осуществлялся комплекс мероприятий: сотни получали боеприпасы; перековывали лошадей; проводились смотры обмундирования, людского и конского снаряжения и имущества; составлялись списки личного состава; оттачивались шашки; высылались артельщики за фуражом, овсом, продуктами; получали из неприкосновенных запасов котелки, палатки, парусиновые ведра, часы, бинокли, компасы и шанцевый инструмент; укладывались седельные выюки; казаки проходили медицинский осмотр, больные передавались в местный лазарет, слабосильные, подсудимые и подследственные отправлялись в распоряжение полковых квартирмейстеров.

---

⁵⁶ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 5.

Призывник Первой мировой. Подпись на обороте: «На добрую память, дорогой и горячо любимой Марусе. 25 октября 1915 г.». Из коллекции Куйбышевского краеведческого музея, г. Куйбышев (бывший Каинск) Новосибирской обл.

Командиры сотен получали денежные авансы: на фуражное довольствие, приварочные, провиантские; офицеры обеспечивались денежным довольствием. Упаковывалось имущество сотен в ящики, от командира обоза принимали обоз 1-го разряда с полной укладкой (походные кухни и продовольственные повозки). Командиры сотен получали карты, книги учета, бланки и другие документы отчетности военного времени.

На доукомплектование полков прибывали казаки с льготы, а также получали лошадей из приписанных станиц. Люди, как правило, приходили плохо обмундированные и не имели всех положенных по мобилизации вещей, а «лошади поступали в очень плохих телах и многие были малопригодны под верх». Закончив доукомплектование и формирование, полки приступили

к занятиям по боевой подготовке, прежде всего стрельбе, слаживанию сотен, разведке. Расписание занятий устанавливалось с 7.00 до 11.00, а после обеда – с 16.00 до 18.00. Проводилась пристрелка винтовок под патрон с остроконечной пулей. В мобилизованных частях Забайкальского казачьего войска находилось: 256 генералов и офицеров, 11667 казаков и 12465 лошадей. 1 сентября отдается распоряжение о выступлении бригады на фронт. 6 сентября ее штаб и 1-й Читинский полк приступили к погрузке в эшелоны на станции Чита-1 и 8 сентября убыли на театр военных действий. 14 сентября последний 1-й Верхнеудинский полк со станции Дивизионная 4 эшелонами отправился на запад России⁵⁷.

В целом же в ходе массовой мобилизации в июле – августе 1914 г. в армию призвали не менее 250 тыс. сибиряков. Но это было только началом мобилизационной кампании, продолжавшейся до середины 1917 г. Патриотический подъем первых месяцев войны сменился на суровую тыловую повседневность.

---

⁵⁷ Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения: 1914-й год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 55–56.

§ 2. Сибирские соединения на фронтах войны

Проблема участия сибиряков в боевых действиях во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. является предметом специального и обстоятельного исследования не одного поколения историков. Поэтому, предваряя анализ различных аспектов военной повседневности региона в избранных хронологических рамках, ниже постараюсь дать краткий очерк вклада сибиряков в военные усилия государства⁵⁸.

По состоянию на 1 мая 1914 г. в зауральских военных округах насчитывалось: в Омском – 17 батальонов и 6 казачьих сотен; в Иркутском – 68 батальонов и 20 сотен; в Приморском – 118 батальонов, Приморский драгунский полк (6 эскадронов) и 13 сотен⁵⁹. Кроме того, в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) дислоцировались подразделения Заамурского корпуса (округа) пограничной стражи, формально не входящие в состав русской императорской армии. Согласно Расписанию сухопутных войск 1910 г. в соединении насчитывалось 8 пехотных и 3 конных полка⁶⁰. Как видим, основная часть российских войск в регионе концентрировалась на Дальнем Востоке. В соответствии с упомянутым выше мобилизационным расписанием в случае осложнения отношений с Японией или Японией и Китаем в Маньчжурии разворачивались четыре армии: 1-я, 2-я, 3-я Забайкальские и Приморская. До завершения мобилизации в них прикрывать район сосредоточения и КВЖД должен был Заамурский округ пограничной стражи, преобразованный и развернутый в армейский корпус.

Поскольку на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири мобилизационных ресурсов (резервистов) не хватало, предусматривалось их пополнение за счет Омского и Казанского военных округов. Так, при развертывании войск Иркутского военного округа до штатов военного времени требовалось порядка 150 тыс. чел., реально на его территории могли призвать 39,5 тыс. чел. Недостающее количество планировалось получить из Омского (70 тыс.) и Казанского (40,7 тыс. чел.) военных округов⁶¹.

В ходе массовой мобилизации в июле-августе 1914 г. в трех упомянутых выше военных округах развернули 44 сибирских стрелковых полка (с 1-го по 44-й), сведенных в 11 Сибирских стрелковых дивизий. Кроме того во время войны сформировали еще 11 (12–22-я) сибирских стрелковых дивизий четырехполкового состава и Сводную Сибирскую стрелковую дивизию. Из подразделений Заамурского корпуса пограничной стражи образовали приблизительно 18 пограничных Заамурских пехотных и 5 пограничных Заамурских конных полков.

Летом-осенью 1914 г. на базе кадровых частей и мобилизованных резервистов Омского, Иркутского и Приамурского военных округов развертываются семь Сибирских армейских корпусов и отдельно от них 11-я Сибирская стрелковая дивизии. Русский армейский корпус состоял из двух стрелковых дивизий, в каждую из которых входило две стрелковых бригады по два полка в каждой. Полк подразделялся на четыре батальона, а те, в свою очередь, включали четыре роты. Численность корпуса определялась в 48 тыс. чел., дивизии – 21 тыс., батальона – 1 тыс. чел. Следовательно, в 11-ти стрелковых дивизиях насчитывалось 357 тыс. отправленных на фронт сибиряков. Кроме того, Сибирское казачье войско выставило 9 конных полков (свыше 16 тыс. чел.), Забайкальское казачье войско – 8 конных полков (около 12 тыс. чел.).

⁵⁸ Раздел написан на основе данных: Строчков А. А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914–1918 гг.). М., 1967; Новиков П. А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008; Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Первая мировая война // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. С. 597–599.

⁵⁹ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 7.

⁶⁰ Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1. С. 64.

⁶¹ Рашупкин Ю. М. Указ. соч. С. 122.

1-й Сибирский армейский корпус в составе 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизий формировался в Приморском военном округе. Часть его личного состава, также как и 2-го Сибирского армейского корпуса, составили мобилизованные резервисты из 10 уездов Вятской и Пермской губерний, включенные в состав подразделений корпусов в ходе перевозки их на запад. Участвовал в боевых действиях с августа 1914 г. на Северо-Западном, а с августа 1915 г. – Западном фронтах под командованием генерала М. М. Плешкова. Соединение отражало наступления противника на Варшаву и активно сражалось в Лодзинской операции (11 ноября – 19 декабря 1914 г.), в ходе которой были сорваны планы окружения двух русских армий Северо-Западного фронта. В составе 1-й армии сибиряки в феврале-марте 1915 г. участвовали в разгроме немецкой группы войск генерала М. Гальвица и освобождении г. Прасныша, а затем в отражении наступления противника летом-осенью 1915 г. на Наревском направлении. В 1916 г. корпус вел позиционную войну в составе 1-й и Особой армий Западного фронта, а в 1917 г. – 3-й армии.

2-й Сибирский армейский корпус (4-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии) был перебросен из Забайкалья (Иркутский военный округ) в Варшаву во второй половине сентября 1914 г. Под командованием генерал-лейтенанта А. В. Сычевского (с декабря 1914 г. – генерал от инфантерии) соединение приняло на себя основную тяжесть боев на варшавском направлении, потеряв к 5 октября 1914 г. 260 офицеров и 13,5 тыс. солдат. За бой под местечком Гройцык командир 16-го Сибирского стрелкового полка полковник С. М. Рожанский посмертно награждается орденом Св. Георгия 3-й степени. В конце 1914 г. 2-й Сибирский армейский корпус принял участие в тяжелейших боях в районе Лодзи, а в начале 1915 г. вместе с 1-м Сибирским армейским корпусом под упомянутым выше городом Праснышем. В августе того же года соединение перебросили из-под Барановичей на рижское направление, оно заняло оборону по реке Западная Двина. В конце 1916 – начале 1917 г. сибиряки приняли участие в наступлении 12-й армии Северного фронта на Митаву. В ходе операции 17-й Сибирский стрелковый полк корпуса отказался идти в атаку и выдвинул политические требования – формирование ответственного перед парламентом кабинета министров. К восставшим присоединился 55-й Сибирский полк 6-го Сибирского армейского корпуса. Личный состав резервной 3-й Сибирской дивизии частично разбежался, побросав оружие и боеприпасы. 92 зачинщика выступления из числа рядовых и унтер-офицеров на основании решения военно-полевого суда были расстреляны в присутствии представителей рот и команд, большое количество приговорили к каторжным работам⁶². В марте 1917 г. боевые действия носили спорадический характер, военнослужащих больше интересовали внутрirosсийские проблемы. Как отмечал в своей записке генерал М. В. Алексеев: «В 2-м Сибирском корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя и надо скорее выбирать государя, что евреев нельзя иметь офицерами, что необходимо наделить крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка»⁶³.

3-й Сибирский армейский корпус (7-я и 8-я Сибирские стрелковые дивизии) из Иркутского военного округа воевал на Северо-Западном, а с августа 1915 г. – на Западном фронтах в составе 10-й армии (до февраля 1916 г.), а затем 4-й и 2-й армий. Им последовательно командовали генералы от инфантерии В. П. Корнеев, Е. А. Радкевич, генерал-лейтенанты В. О. Трофимов, А. Е. Редько и избранный солдатским комитетом в апреле 1917 г. генерал-лейтенант В. Ф. Джунковский. Соединение приняло участие в боях на белостокском направлении в районе крепости Осовец, на подступах к г. Августов. В составе 10-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Е. Флуга корпус отличился в Первой августовской операции (12–30 сентября 1914 г.), совершив обходной маневр, взяв г. Августов и выйдя немцам в тыл. В. Е. Флуг

---

⁶² Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994. С. 398–400.

⁶³ Новиков П. А. Указ. соч. С. 67.

писал по этому поводу: «Эта согласованная боевая работа и доблесть сибирских и финляндских стрелков увенчались наконец желанным успехом: понеся большие потери, противник, всюду сбитый, 19 сентября стал поспешно отступать, теряя пленных, пулеметы и орудия. Таким образом фронт противника в районе к югу от Сувалок оказался прорванным»⁶⁴. В конце 1914 – первой половине 1915 г. его части оборонялись в районе Мариамполя – Кальварии, крепости Ковно (Каунас), где только 9 июля 1915 г. потеряли 461 солдата убитыми, 245 ранеными и 603 пропавшими без вести, к осени численность полков уменьшилась в 2–4 раза.

Евгений Александрович Радкевич, командир 3-го Сибирского армейского корпуса

Зима 1915–1916 гг. прошла спокойно, а в марте 1916 г. корпус принял участие в наступательной операции в районе озера Нарочь. Вместе с 1-м Сибирским армейским корпусом и другими объединениями 2-й армии Западного фронта корпус пытался прорвать фронт противника и развернуть наступление севернее и южнее озера Нарочь на Свенцяны, Вилькомир.

---

⁶⁴ Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. С. 114.

Сковав на Восточном фронте значительную часть группировки немецких войск, вынудив германское командование перейти под Верденом к обороне и перебросить свыше четырех дивизий с Западного фронта на Восточный, 2-я армия потеряла 1018 офицеров и 77 427 солдат (30,3 % личного состава)⁶⁵. Летом, в развитие Брусиловского прорыва, 3-й корпус пытался наступать южнее Барановичей, держал оборону на плацдармах по реке Неман. В январе 1917 г. в его состав вошла вновь сформированная 17-я Сибирская стрелковая дивизия 4-й очереди. Корпус был окончательно расформирован весной 1918 г. в Смоленске.

4-й Сибирский армейский корпус (9-я и 10-я Сибирские стрелковые дивизии) формировался в Приамурском военном округе. Он воевал на Северо-Западном, Западном (с августа 1915 г.) и Румынском (с декабря 1916 г.) фронтах в составе 12-й, 2-й, 3-й, 8-й, 6-й армий. Личный состав соединения участвовал в Праснышской наступательной операции и разгроме армейской группы генерала М. Гальвица в начале 1915 г. В последующем части корпуса обороняли отведенные ему позиции вплоть до его расформирования в начале 1918 г.

5-й Сибирский армейский корпус (3-я и 6-я Сибирские стрелковые дивизии, расквартированные в Приамурском военном округе). Принимал участие в боевых действиях на Северо-Западном, Западном (с августа 1915 г.), Северном (с марта 1916 г.) и Юго-Западном (с июня 1916 г.) фронтах в составе 1-й, 2-й, 4-й, 12-й, 6-й, 8-й, 11-й армий. Наиболее значимыми в его военной истории стали боевые действия под Варшавой, Лодзью. 6-я Сибирская стрелковая дивизия корпуса в конце ноября 1914 г. участвовала в окружении группы генерала Шеффера, но не была поддержана и подверглась разгрому тремя германскими дивизиями. Летом 1916 г. эта дивизия отличилась в сражении на реке Стырь, разгромив части германского корпуса. В июле 1917 г. 5-й Сибирский корпус принял участие в наступлении на львовском направлении, которое было остановлено прибывшими из Франции немецкими войсками, а потом войска Юго-Западного фронта оттеснили на линию Броды, Збараж, Гржималов, Боян. Также, как и другие армейские формирования, соединение в 1917 г. подверглось «демократизации» и как докладывал в начале 1918 г. его выборный командир капитан А. И. Тодорский 13 декабря 1917 г. по инициативе сибиряков 6-й Сибирской артиллерийской бригады начала функционировать организация союза сибиряков корпуса», которая предполагала бороться «за широкое самоуправление и самобытность Сибири»⁶⁶.

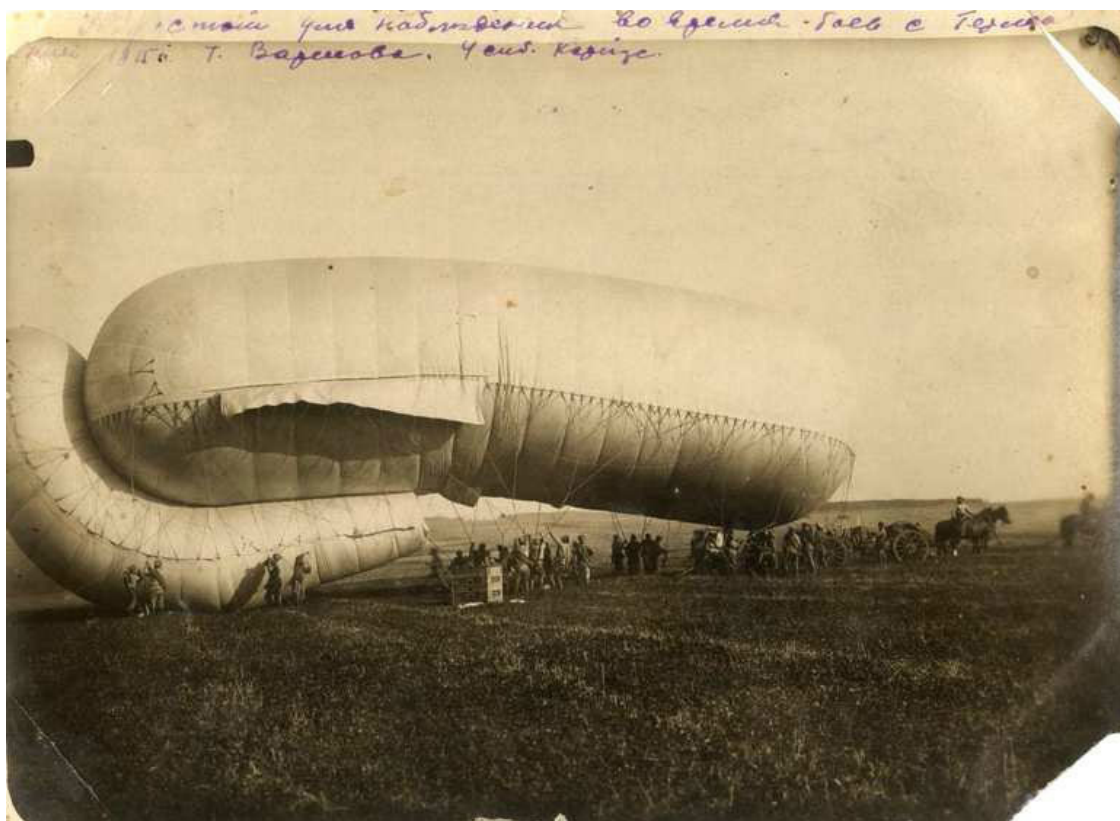
6-й Сибирский армейский корпус образован в сентябре 1914 г. на базе второочередных 13-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий, кадры для которых были выделены из 8-й и 11-й Сибирских стрелковых дивизий. Соединение участвовало в боевых действиях в составе 1-й, 2-й, 4-й, 12-й армий на Северо-Западном, Западном (с августа 1915 г.) и Северном (с октября 1915 г.) фронтах. 14-я с. д. первая на Восточном фронте подверглась газовой атаке и потеряла большую часть личного состава. Корпус прославился атакой без единого выстрела германских позиций в декабре 1916 г. Тогда особо отличились 11-й Сибирский стрелковый полк полковника В. Н. Пименова и 56-й Сибирский стрелковый полк полковника П. П. Шрамкова.

7-й Сибирский армейский корпус образован в июле 1915 г. на фронте на базе второочередных 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий. Они были развернуты соответственно в Иркутске и Красноярске во второй половине июля 1914 г. 12-я с. д. в конце 1914 – начале 1915 г. воевала в Карпатах, а в июне 1915 г. была переброшена на Северо-Западный фронт в 5-ю армию. 13-я с. д. в составе 6-го Сибирского армейского корпуса осенью 1914 г. обороняла Варшаву, а затем вела бои в районе городов Цеханов, Плонск. В апреле 1915 г. ее передали в состав Юго-Западного фронта, где она участвовала в боях на реке Сан. В конце мая соединение возвратили на Северо-Западный фронт. 3 июля 1915 г. приказом по 5-й армии 12-я и 13-я

⁶⁵ Гаврин Д. А. 2-я русская армия в боях у озера Нарочь в марте 1916 года // Вестник Омского университета, 2011, № 1. С. 85–89.

⁶⁶ Хромов П. Антивоенные выступления в войсках 12-й армии Северного фронта в конце 1916 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 4. С. 121.

с. д., 4-я и 15-я кавалерийские дивизии объединяются в особый отряд, а затем 7-й Сибирский армейский корпус во главе с начальником 12-й с. д. генерал-лейтенантом Н. И. Сулимовым. Дивизии участвовали в кровопролитных арьергардных боях лета 1915 года, вошедших в историю как «Великое Отступление» русской армии, обороняли Митавскую укрепленную позицию, подступы к Двинску и Риге. Корпус участвовал в наступательных операциях на рижском направлении в марте и июле 1916 г. В августе того же года соединение по железной дороге перебросил на юг в резерв Юго-Западного фронта в район г. Ровно и включили в состав 7-й армии. В сентябре-октябре сибиряки вели тяжелейшие бои, приняли участие в последнем крупном наступлении русской армии в июне 1917 г. Известно, что «из частей 7-го Сибирского корпуса исполнили приказ о занятии передовых позиций только разрозненные части, всего два с половиной полка»⁶⁷. Корпус был расформирован в марте 1918 г.

Бойцы 4-го Сибирского корпуса поднимают аэростат для наблюдения за противником. 1915 г. (Из коллекции Новосибирского краеведческого музея)

Помимо 10 стрелковых дивизий пяти армейских корпусов во время всеобщей мобилизации в последней декаде июля 1914 г. в Омском военном округе формируется 11-я Сибирская стрелковая дивизия, в состав которой вошел 41-й Сибирский стрелковый полк, дислоцировавшийся в Новониколаевске. Она участвовала в сентябре 1914 г. в деблокаде крепости Осовец. «Звездным» часом для соединения стали бои в районе польского города Прасныш, предотвратившие окружение русских войск в Польше. 30 июня 1915 г. в тяжелейшем бою дивизия отбила натиск шести дивизий двух германских корпусов. Героическое сопротивление ее воинов спутало немецкие планы и они смогли лишь вынудить русские войска к медленному отходу. В этом бою 11-я с. д. потеряла 70 % личного состава (105 офицеров и 10 951 солдата и унтер-офицера). За проявленное мужество разведчик 41-го с. п. младший унтер-офицер П. Т. Дрон

⁶⁷ Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983. С. 27.

награждается Георгиевским крестом 3-й степени, а стрелок Н. П. Каменев – 4-й степени⁶⁸. В составе дивизии воевал старший унтер-офицер М. Е. Ванин (1890–1968), переселенец из Тамбовской губернии, житель д. Высокая Грива Кайлинской волости Томского уезда. Он служил в разведке и за проявленное в боях личное мужество был награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Затем служил в РККА и посвятил 20 лет педагогической деятельности⁶⁹. Среди ее офицеров следует назвать награжденного орденом Св. Георгия 4-й степени капитана (в последствии подполковника) А. Н. Пепеляева, в будущем генерал-лейтенанта, командующего белой 1-й Сибирской армией.

Сибирское казачье войско (СКВ) отправило на фронт свыше 16 тыс. чел. Его 1-й и 2-й полки были сведены в Отдельную Сибирскую казачью бригаду, воевавшую на Кавказском фронте. Здесь отличился 1-й полк, который в бою под городом Ардаганом 21 декабря 1914 г. разгромил турецкий пехотный полк и захватил его знамя. Высочайшим приказом от 6 декабря 1916 г. император Николай II принял шефство над частью и включил в её списки своего сына и наследника престола цесаревича Алексея. С этого момента полк стал именоваться 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева, ныне его Императорского Величества, полк, а его личный состав получил право носить на погонах императорский вензель. 3-й полк всю войну оставался в Омском военном округе со штабом в г. Зайсане. 4-й и 5-й казачьи полки в августе, 7-й и 8-й в декабре 1914 г. были отправлены на фронт и приданы четырем армейским корпусам Северо-Западного фронта. Только в ноябре 1915 г. их свели в Сибирскую казачью дивизию. В феврале 1915 г. в Августовских лесах 4-й Сибирский казачий полк был разбит, в бою погиб его командир войсковой старшина Г. А. Власов, в плен попало 9 офицеров и командир 1-й бригады Сибирской казачьей дивизии генерал-майор А. Я. Усачев. В свою очередь, в феврале 1915 г. под г. Праснышем две сотни 8-го полка разгромили два германских эскадрона конного-гренадерского полка. Весной 1917 г. дивизию отвели в тыл и рассредоточили для несения охранной службы в Минском и Московском военных округах.

---

⁶⁸ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 42.

⁶⁹ Олейников А. В. Генерал Первой мировой В. Е. Флуг // Военно-исторический журнал. 2010. № 4. С. 26.

Павел Осипович Показанов (1893–1919), полный георгиевский кавалер Первой мировой (из коллекции Куйбышевского краеведческого музея)

6-й и 9-й полки, сведенные в Отдельную Сибирскую казачью бригаду, выступили на Северо-Западный фронт в июле 1915 г. В 1916 г. 9-й полк сняли с фронта и через Семипалатинск направили в Семиречье для подавления восстания казахов. Затем его перевели в Ташкент, откуда в январе 1917 г. отправили в Персию в состав Русского экспедиционного корпуса. 6-й полк в сентябре 1917 г. вернули в Сибирь (4 сотни в Семипалатинске, по одной в Новониколаевске и Омске). Кроме того, летом 1915 г. в СКВ сформировали и срочно отправили на фронт три отдельных сотни (3 офицера и 157 казаков в каждой). Они несли службу при штабах армейских корпусов, периодически участвуя в боевых действиях. Так, за героизм, проявленный при прикрытии отхода наших войск в течение 18 июня 1917 г. 3-я Отдельная Сибирская казачья сотня получила для награждения отличившихся 25 Георгиевских крестов и 20 Георгиевских медалей. В 1915 г. в Брянске сформировали Сибирский казачий конно-артиллерийский дивизион, в конце этого же года в составе Сибирской казачьей дивизии создается Отряд особого назначения во главе с подъесаулом Б. В. Анненковым⁷⁰.

1-я Забайкальская казачья бригада Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) прибыла на Юго-Западный фронт и приняла активное участие в Варшавско-Ивангородской операции 28 сентября – 8 ноября 1914 г. В боях забайкальские казаки проявили свои лучшие качества. Так, при отходе с левого берега реки Пилица в спешке отступления бросили раненых пехотинцев. Спасти их вызвались добровольцы из 2-й сотни 1-го Читинского полка, которые под сильным ружейно-пулеметным огнем несколько раз прорывались к раненым и вывезли 30 солдат.

---

⁷⁰ Исторический архив, 2004, № 3. С. 89.

За этот подвиг, ставший известным всей армии, казаков наградили Георгиевскими крестами. Всего же за осенне-зимние бои 1914 г. только в 1-м Верхнеудинском полку вручили 78 Георгиевских крестов и 28 медалей. В начале 1915 г., как вспоминает тогда сотник 1-го Нерчинского казачьего полка и будущий атаман Г. М. Семенов, на границе с Восточной Пруссией, его подчиненные «вели разведку и состязались с германскими кавалеристами в небольших кавалерийских стычках и ловкости разведчиков. Немцы придерживались системы разведки не менее полуэскадром, а мы предпочитали пользоваться мелкими разъездами, имевшими иногда в своем составе не более 5–6 коней. Наш казак оказался лучшим индивидуальным бойцом, чем немецкий регулярный кавалерист. За полтора месяца практики моей в действии разъездом, при регулярной смене казаков, я захватил в плен свыше 50 германских всадников и не потерял ни одного со своей стороны»⁷¹.

Прожекторная станция во время работы 4-й Сибирский корпус. Румыния, г. Галац, 1916 г. (Из коллекции Новосибирского краеведческого музея)

Вплоть до апреля 1915 г. 1-я Забайкальская казачья бригада занимала оборону по р. Пилица, а затем прикрывала отход пехоты Северо-Западного фронта из Польши. После прибытия на фронт 2-го Верхнеудинского казачьего полка бригаду развертывают в 1-ю Забайкальскую казачью дивизию. 15 января 1916 г. в Бобруйске состоялся смотр нового соединения императором Николаем II. По итогам боевых действий в 1915 году только в 1-м Верхнеудинском полку в хорунжие произвели вахмистра Подойницына и старшего урядника Кузнецова. Награждены орденами: Св. Анны 4-й степени прапорщик Барахтин, хорунжий, князь Аргутинский-Долгоруков, войсковой старшина Измайлов; Св. Анны 2-й степени с мечами – сотники Лавров и Сенченков; Св. Станислава 2-й степени – ветеринарный врач Мальковский; Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом – хорунжий Горбач; английским «Отличной службы» – есаул Мациевский. Мечи и бант к ордену Св. Станислава получили подьесаул Резухин и сотник Иванов, войсковому старшине Зимину вручено Георгиевское оружие.

В этом году дивизия приняло участие в Брусиловском прорыве. Только за один день боев 1-й Верхнеудинский полк захватил 2 орудия, несколько пулеметов и до 1100 пленных

⁷¹ Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли, выводы). М., 1999. С. 40.

австрийцев. Линия фронта стабилизировалась на реках Стоход и Стырь. За отличие в боях, помимо орденов Св. Станислава 4-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени, сотник 1-го Нерчинского казачьего полка, барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг удостоился двойного производства в чинах: 3 сентября 1916 г. его производят в подесаулы, а на следующий день – в есаулы⁷². В конце 1916 г. части дивизии направляются в тыл для охраны железных дорог и задержания дезертиров. По признанию Г. М. Семенова: «Мы ловили на станции Узловая до тысячи человек в сутки. Солдатский поток с фронта был настолько значителен, что это явление нельзя было рассматривать иначе, как грозным признаком грядущего развала армии»⁷³. 23 мая 1917 г. полкам 1-й Забайкальской казачьей дивизии предписывается сдать свои знамена в штаб армии с последующей отправкой в Петроград для снятия царских регалий. Однако, на общем собрании казаков и офицеров 1-го Читинского полка принимается решение оставить у себя свое Георгиевское знамя.

На Кавказском фронте в районе Карса воевала 2-я Забайкальская казачья бригада, а на Эриванском направлении 4-я. Забайкальские казаки в 1915 г. приняли участие в боях за Тадван, на битлисском направлении, в турецком Курдистане и в Персии. В 1916 г. они участвовали в боях на мосульском направлении. Весной 1917 г. забайкальцы стали создавать полковые комитеты, проявлять враждебное отношение и недоверие к офицерам⁷⁴.

В свете изложенной информации требует пояснений понятие «сибирское соединение» применительно к перечисленным корпусам и дивизиям. Сам факт их формирования за Уралом в Омском, Иркутском и Приамурском военных округах дает основание предположить, что основную часть мобилизованных в них резервистов составили местные жители, хотя среди них находилось большое количество переселенцев, сравнительно недавно мигрировавших в Сибирь. Были и оставшиеся на жительство отслужившие срочную службу. Яркий пример – будущий герой гражданской войны в Енисейской губернии П. Е. Щетинкин, уроженец Рязанской губернии, который, уволившись в запас в декабре 1909 г., остался на жительство в деревне Красновка под Ачинском. В начале 1912 г. он стал сверхсрочником в 29-м Сибирском стрелковом полку в Ачинске, откуда летом 1914 г. отбыл на фронт.

Но большую часть командного (офицерского) состава в этих воинских формированиях составили уроженцы и выходцы из Европейской России. Доля их в составе частей была незначительной. Так, в 11-й Сибирской стрелковой дивизии на 14397 солдат приходилось 230 офицеров (1,04 %)⁷⁵. Однако часть личного состава 1-го и 2-го Сибирских армейских корпусов, как указывалось выше, составили мобилизованные резервисты из 10 уездов Вятской и Пермской губерний (всего в них насчитывалось 23 уезда). И самое главное. В отличие от германской корпусной системы комплектования и пополнения воинских частей за счет призванных с определенной территории или города, этот принцип в русской армии в годы Первой мировой войны обеспечивался частично. Во-первых, в запасные батальоны и полки сибирских военных округов направлялись призванные не только из Сибири, но из Вятской, Пермской и Уфимской губерний, и не только русские. Так, в 1915 г. из 258 чел., прибывших по призыву в 38-й Сибирский запасной стрелковый полк (в Томске) из Бирского уезда Уфимской губернии, русские составляли 36 чел., остальные являлись башкирами и татарами⁷⁶. Во-вторых, маршевые роты из сибирских запасных частей отправлялись как правило не адресно в сибирские фронтовые формирования, а в запасные полки армий и фронтов. Например, в конце декабря 1917 г. в г. Ржев в 52-й пехотный запасной полк прибыли пять маршевых рот (по 250 чел.) из

⁷² Жуков А. В. Барон Унгерн. Даурский крестоносец или буддист с мечом. М., 1913. С. 111.

⁷³ Корольков Г. Праснышское сражение. Июль 1915 г. М. – Л., 1928. С. 43, 44, 53.

⁷⁴ Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках: Исторический очерк-хроника. Волгоград, 1994. С. 395–523.

⁷⁵ Фабрика Ю. А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001. С. 78.

⁷⁶ Тогучинская газета. 2013. 14 авг.

Томска для пополнения Западного фронта⁷⁷. 77-я маршевая рота из 38-го Сибирского запасного полка из Томска прибыла на станцию Вязьма 17 ноября 1916 г. в 23-й запасной пехотный полк Западного фронта. В кратком отчете о ее осмотре указывалось, что среди военнослужащих были уроженцы Томской, Петроградской, Волынской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Пермской, Уфимской и Харьковской губерний⁷⁸. И только 72-я маршевая рота из того же томского запасного полка 8 декабря 1916 г. прибыла на укомплектование 244-го Красноставского пехотного полка 61-й пехотной дивизии⁷⁹. Таким образом, в сибирских формированиях начального периода войны сибиряки, по всей видимости, преобладали. Их доля уменьшалась в ходе военных действий, хотя и была достаточно внушительной.

В связи с этим встает вопрос о степени привязки отдельных полков русской императорской армии к городу, в котором они формировались и данное обстоятельство увековечивалось в их названии. Так, в числе кадровых армейских частей еще до войны были 9-й гренадерский Сибирский генерал-фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полк, 38-й Тобольский, 39-й Томский, 40-й Колыванский, 41-й Селенгинский, 42-й Якутский, 43-й Охотский, 44-й Камчатский пехотные полки. Например, Томский егерский полк был сформирован в Томске 29 ноября 1796 г. В 1808 г. в составе 24-й пехотной дивизии его вывели к западным границам России и больше в Сибирь он не возвращался. В 1864 г. он становится 39-м пехотным Томским. Накануне Первой мировой войны часть дислоцировалась в городе Козлове (Мичуринске) Тамбовской губернии, а с началом боевых действий вошла в состав 10-й пехотной дивизии вместе с другими «сибирскими» формированиями: 37-м Екатеринбургским, 38-м Тобольским и 40-м Колыванским пехотными полками⁸⁰. Судя по отсутствию информации о призыве в него томичей и жителей Томской губернии, можно предположить, что полк не был «сибирским», и в период развертывания в июле 1914 г. в него пришли резервисты в основном из Тамбовской губернии. В качестве противоположного примера можно назвать третьеочередной 533-й Новониколаевский пехотный полк 134-й пехотной дивизии, который был сформирован уже во время войны из новониколаевцев и доблестно сражался на фронте. Причем городские власти и обыватели поддерживали связи со своими родными и земляками, собирали для них теплую одежду, продукты и подарки, на фронт приезжали делегации горожан⁸¹. В Томске же в 1910 г. на базе местного пехотного батальона развертывается 42-й Сибирский стрелковый полк 11-й Сибирской стрелковой дивизии, командиром (командующим) которого назначили полковника Н. М. Пепеляева (отца В. Н. и А. Н. Пепеляевых)⁸².

Определенное представление об офицерском составе сибирских воинских формирований периода Первой мировой войны, их мужестве и героизме дают собранные Д. Г. Симоновым сведения на 534 кавалера военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, участвовавших в боевых действиях в составе сибирских частей⁸³. Как известно, орден этот давался только за военные подвиги. Всего с момента учреждения в 1769 г. и до конца 1917 г. орденом Св. Георгия 4-й степени награждено свыше 6 тыс. чел. Все 534 офицера удостоились этой степени, а трое – генерал-майор А. С. Карницкий, командир 2-го пограничного Заамурского полка, а затем 1-й Заамурской конной бригады; генерал-лейтенант В. И. Соколов, коман-

⁷⁷ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 31–31 об.

⁷⁸ Там же. Л. 78.

⁷⁹ Там же. Л. 86.

⁸⁰ Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 260; Голиков В. И., Чернов К. А. Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII – XX веках. Томск, 2012. С. 327.

⁸¹ Шульдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн. 1. С. 29–31.

⁸² Чернов К. А. Томский гарнизонный батальон – 42-й Сибирский стрелковый полк // Тр. Томск. обл. краеведческ. музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 93

⁸³ Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 647–655.

дир 4-го Сибирского армейского корпуса и полковник В. Н. Токарев, командир 9-го гренадерского Сибирского полка – стали еще и кавалерами этого ордена 3-й степени.

За какие заслуги награждали этой высокоценной в армии наградой, можно судить из представления на награждение орденом Св. Георгия 4-й степени будущего генерал-лейтенанта сибирской белой армии А. Н. Пепеляева: «Будучи в чине штабс-капитана, в бою 18 сентября 1915 года, командуя отрядом из четырех команд конных разведчиков 11-й Сибирской стрелковой дивизии, одной пешей командой разведчиков 44-го Сибирского стрелкового полка и полуротой того же полка, лично управляя боем под сильным пулеметным и ружейным огнем, удержал свою позицию. Отбив атаки германцев силою около двух батальонов пехоты с 6 пулеметами, когда же позиция правого боевого участка у д. Боровая была захвачена противником, и был неизбежен наш отход по всему фронту, штабс-капитан Пепеляев, получив разрешение отойти из д. Клетце, по собственной инициативе решил держаться на своей позиции, отбил все атаки немцев и, выждав благоприятную минуту, перешел сам в наступление, отбросив противника и своим наступлением угрожая левому флангу немцев, занявших д. Боровую, заставил их бросить занятую ими позицию и отступить за р. Неман»⁸⁴.

Орден Св. Георгия (слева) и Георгиевский крест (справа)

По годам войны награждения распределяются следующим образом: 1914 – 5 (0,93 %), 1915 – 185 (34,6 %), 1916 – 125 (23,4 %), 1917 – 217 (40,6 %), 1918 – 2. По родам войск: пехота – 322 (60,3 %), казаки – 35 (6,5 %), артиллерия – 64 (12,0 %), саперы (инженеры) – 12 (2,3 %), военнослужащие Заамурских пехотных и конных полков – 61 (11,4 %). Среди награжденных присутствует один врач – Е. А. Матушкин, лекарь, и. д. врача 21-го Сибирского стрелкового полка. Список свидетельствует о появлении нового рода войск – военной авиации, поскольку в каждом армейском корпусе по штатному расписанию полагалось авиазвено, выросшее до авиаотряда. Из 15 награжденных летчиков 8 можно считать кадровыми авиаторами. Например, прапорщика Б. И. Мерцалова, летчика 3-го и 5-го Сибирских корпусных авиаотрядов. Еще 7 офицеров пришли в авиацию в ходе боевых действий из артиллерии, пехоты, кавалерии, саперных частей. В качестве примера можно назвать поручика 31-го Сибирского стрелкового полка Ф. Ф. Василевского, фактически служившего военным летчиком 8-го авиацион-

⁸⁴ Цит. по: Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 18–19.

ного отряда истребителей или штабс-капитана 77-й артиллерийской бригады Н. В. Евсюкова, служившего летчиком-наблюдателем 1-го Сибирского корпусного авиационного отряда.

Среди награжденных – представители 54 стрелковых полков, 13 артиллерийских бригад и дивизионов, 10 казачьих полков СКВ и ЗКВ, всего – 77 частей. Больше двух награжденных служило в 57 полках, бригадах и дивизионах. Максимальные показатели: 14 орденосцев – в 7-м, по 12 – в 4-м, 6-м, 9-м, 14-м, 21-м Сибирских стрелковых полках, 11 – в 8-м, 37-м Сибирских стрелковых, по 10 – в 47-м пехотном и 7-й Сибирской артиллерийской бригаде. По 9 награжденных воевало в двух полках, по 8 – в двух, 7 – в одном, по 6 – в шести полках и двух артиллерийских бригадах, по 5 – в пяти полках.

По воинским званиям изучаемая совокупность распределилась следующим образом: прапорщики (корнеты, хорунжие) – 60 (11,23 %), подпоручики – 78 (14,6 %), поручики (сотники) – 87 (16,2 %), штабс-капитаны (подъесаулы) – 61 (11,4 %), капитаны (ротмистры, есаулы) – 92 (17,2 %), подполковники (войсковые старшины) – 64 (12 %), полковники – 54 (10 %), генерал-майоры – 23 (4,3 %), генерал-лейтенанты – 6 (1,1 %), генерал от инфантерии (Е. А. Радкевич, командир 3-го Сибирского армейского корпуса) – 1. Среди полковников 44 служили командирами полков, т. е. являлись ключевыми фигурами в непосредственной организации и ведении боевых действий. За что их награждали, можно судить по описанию подвига командира 39-го пехотного Томского полка М. Г. Пацевича, который «в бою 15 авг[уста] 1914 г. у поселка Лащов, командуя левым боевым участком в составе трех батальонов его же полка, воодушевляя подчиненных личным мужеством, энергичной атакой опрокинул превосходные силы неприятеля на узкую переправу у дер. Пукаржева, что привело к разбитию австрийской дивизии и пленению значительной части ее. При этом полком было взято знамя, одна батарея и несколько сот пленных». Сам М. Г. Пацевич был убит в бою 13 февраля 1916 г.⁸⁵

---

⁸⁵ Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994. С. 494.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.